

**СКОРО
ПОС
ТИЖ
КА**

О Л Ъ Г А Ф А Т Е Е В А

С К О Р О
П О С
Т И Ж
К А

судебно-медицинские опыты, вскрытия,
расследования и прочие истории о том,
что происходит с нами после смерти

Москва
2020

УДК 340.6
ББК 58
Ф27

В оформлении обложки использована иллюстрация:
forestpath / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Во внутреннем оформлении использованы элементы дизайна:
Picsfive / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Фатеева, Ольга Сергеевна.
Ф27 Скоропостижка : судебно-медицинские опыты, вскрытия, расследования и прочие истории о том, что происходит с нами после смерти / Ольга Фатеева. — Москва : Эксмо, 2020. — 224 с. — (Люди редких профессий. Невыдуманные истории о своей работе).

ISBN 978-5-04-104702-3

Эта книга — о реалиях работы судебно-медицинского эксперта с 15-летним стажем. Откровенно автор говорит о том, о чем далеко не каждый решится знать. Различные виды насильственной и — реже — естественной смерти, утопленники, подснежники, отравления, многочисленные болезни, колрезы, огнестрелы, давления — вы узнаете, как человек хрупок и жесток. Эта книга — сборник пронзительных историй, каждая из которых — контакт с неизбежным, жутким и непостижимым.

УДК 340.6
ББК 58

ISBN 978-5-04-104702-3

© Фатеева О.С., текст, 2019
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

Содержание

Введение	7
Призвание	9
Роман	12
Смерть	15
Инструкция	18
Путешествие	21
Ритуал	28
Естественность	32
Шаблон	35
Режим	38
Деформация	41
Дети	45
Вредность	48
Любовь	51
Бабушки	56
Время	59
Давность	62
Адвокаты	65
Сенсация	73
Красота	74
Лексикон	78
Авто	81
Бесстрашие	83
Миллионы	88
Подснежник	97
Утопление	102

Записи	106
Этанол	109
Травма	111
Танатогенез	117
Жизнь	121
Медкарты	122
Инверсия	126
Жалобы	129
Лишнее	137
Фанаты	139
Танец	149
Завещание	151
Химия	155
Неверие	164
Фантазии	170
Цинизм	176
Цели	180
Ответственность	188
Истина	193
Щенок	199
Юность	199
Шутки	203
Части	206
Гости	210
Ежик	213
Ясность	218
Эпилог	220
Алфавитный указатель	221

Введение

Мои знакомые и друзья часто спрашивают: почему я не пишу детективы или, может быть, сценарии? У меня же обилие материала, богатая фактура, уникальные знания, опыт. Я действительно не пишу детективы — судебная медицина, как и любая другая специальность, полна обыденности и рутины. Когда я смотрю фильмы, детективные сериалы, я восхищаюсь оснащённостью лабораторий, где можно за пару минут провести все анализы и тесты, удивляюсь суперподготовке специалистов, которые и препараты в микроскоп разглядывают, и стреляют, как мастера спорта, и за преступниками бегают. В обычной жизни химический анализ на наркотики и психотропные делается месяц. И возможности судебно-медицинской экспертизы не безграничны, а заключения не абсолютны.

Сейчас в «Эксмо» выходит серия детективов Марии Долонь. Мы знакомы, и иногда девочки, пять соавторов, задают мне разные вопросы. Я стараюсь им помогать, отвечать, как бывает, а как нет. На первых наших посиделках с Долонь одна из авторов сказала: «Хорошо, Оль, давай мы сразу исключим судебно-медицинских экспертов из предполагаемой читательской аудитории, это же очень маленький процент». Когда я найду способ соединить всю унылую каждодневную судебно-медицинскую правду с художественным вымыслом, с лихо закрученным сюжетом, я напишу детектив, а потом, может быть, даже и сценарий сериала по нему.

В этой книге я решила заняться развенчанием мифов о судебной медицине, образе эксперта и вообще всех, кто работает в морге, и прибегнуть к любимому методу — обнажить приём. Авторская речь от первого лица, смесь дневника, эссе, очерка, журналистского расследования — о, богатые возможности нон-фикшн! Возможность поразмышлять,

немного пофилософствовать, рассказать о проблемах современной отечественной медицины на материале собственного опыта. Разумеется, с историями из жизни и примерами.

За название благодарю Марию Константиновну Голованивскую. Когда-то в школе «Хороший текст» выпустили жизнеутверждающий альманах «Короче, все умерли», там был и мой текст про восьмерых пожарников, погибших при тушении пожара на складе в Москве: обрушилась кровля, на складе никого не было, но была опасность, что огонь перекинется на соседние жилые дома, это в выходные-то вечером. Восемь профессионалов провалились вместе с кровлей в самое пекло. Это настолько поразило меня, что я написала текст. Название дала самое простое и спорила с редактором альманаха, доказывая, что понравившееся ей слово «скоропостижка» не имеет отношения к насильственной смерти на пожаре и никак не может быть названием. Время прошло, я научилась давать своим текстам более интересные, цепляющие названия и, приступая к этой книге, сразу решила, что назову ее именно «Скоропостижка», спасибо Марии Голованивской.

В интернатуре я дежурила вместе с экспертом из нашего морга. Ездил вместе с ней на выезды в составе следственно-оперативной группы — той самой, которую часто показывают в фильмах и сериалах под громкий призыв: «Группа, на выезд!» Мне нужно было учиться осматривать и описывать трупы на месте происшествия, это неотъемлемая часть работы эксперта. Даже если вы никогда не будете дежурить сами, с протоколами осмотров неизбежно встретитесь в морге. Чтобы понять весь процесс, нужна практика — самому в поле: и в квартиру с тараканами, и в сгоревший залитый гараж, и в заболоченный овраг ночью, и в лес зимой, и в коллектор. Я дежурила с Г. У нее было лет двадцать, а то и больше стажа к тому времени. Приехали мы на вызов в стандартную двухкомнатную квартиру в девятиэтажке, где-то на Юго-Западе. На полу одной из комнат мужчина лет сорока, с начальными признаками гниения, накрыт с головы до пят одеялом, веревкой с гирей привязан к ножке кровати. На голове ушибленная рана, кровоподтеки. Выясняем. Отец семейства. Жена, сын в третьем классе. Ютятся все в одной комнате, вторую сдают. У мужа габитус, то есть внешний вид, злоупотребляющего алкоголика, тот тип, когда люди высыхают, уменьшаются, тончают как-то. Живые обитатели жилища, включая квартиранта, все в отделении. Легенду узнаем от оперов: пришел на днях пьяный, шатался, жену с сынишкой доставал, потом упал. Осматриваем труп, следователь пишет протокол, про труп — под диктовку Г., Г. ощупывает голову, кости свода черепа явно патологически подвижны, можно предположить, что причиной смерти явилась черепно-мозговая травма. Не нравится расположение ушибленной раны на голове — не совсем типично для падения: жена говорит, что упал он, как все падают, назад,

на спину. А рана сбоку, на виске. Или падал по-другому, или, может быть, на выступающий предмет приземлился. Или вообще ударили. Опера все время на связи с отделом. Говорят, что показания квартиранта и жены расходятся. Квартирант слышал шум и крики в один вечер, жена умершего показывает, что все произошло в другой. Вокруг головы трупа очень мало крови, хотя раны головы обильно кровят, здесь хорошее кровоснабжение. Криминалист осматривает квартиру на предмет следов крови. Следователь и оперативники интересуются давностью наступления смерти. К сожалению, эксперт дает большой разброс времени, до нескольких суток. Трупные явления¹ сложно анализировать у тела, которое лежало под одеялом. И вот наша работа закончена. Я брожу по квартире, где уже можно, осматриваю вещи, листаю тетради сына покойного. Они лежат на столе в той же комнате, где и тело отца. Письменный стол стоит вплотную к кровати. Чтобы сесть за него, мальчику надо было перешагнуть через голову, дальше стул не отодвигался. Старательный детский почерк, тетрадь для занятий по русскому языку ученика третьего класса «Б». Домашние задания чередуются с классными работами, ничего не пропущено, ошибки, красная ручка учительницы. Окна открыты, теплый май, самое начало, вовсю надрываются птицы, пахнет нарождающейся травой, набухшими почками.

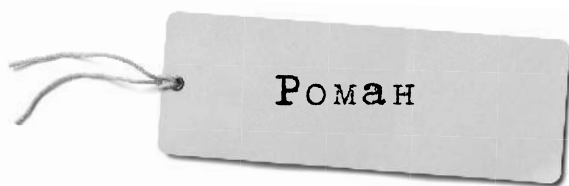
Листаю машинально, не читая, тетрадь почти закончилась. На предпоследней странице глаз цепляет короткую, в несколько строк, запись. Странная домашняя работа, мелькает в голове. Потом, как положено, отступ: два пальца слева. И с красной строки: «Мама папу удавила».

¹ Изменения, которым подвергаются органы и ткани трупа после наступления биологической смерти. Трупные явления подразделяются на ранние и поздние. К ранним относятся охлаждение трупа, трупные пятна, мышечное окоченение, высыхание и аутолиз; к поздним — гниение, мумификация, жировоск и торфяное дубление. — *Прим. ред.*

Тетрадь, разумеется, изымают, а потом все раскручивается, как в кино, с конца в начало. Уставшая, измученная женщина ударила один раз мужа, чтобы он успокоился, тот упал, она оттащила его с прохода, связала руки и ноги, привязала к кровати, для верности примотала гирю. Муж лежал без сознания какое-то время, а потом стал дергаться, мычать, напугал сына, тот расплакался, а мать, чтобы все наконец-то уgomонились, «успокоила» мужа подушкой, которую до того подкладывала ему под голову, чтобы кровь не текла на пол. Я до сих пор помню зрительно, где были эти строки, — внизу листа, справа на развороте. Помню планировку квартиры и обои в коридоре, как стояла мебель и где было окно в комнате с трупом.

СТАРАТЕЛЬНЫЙ ДЕТСКИЙ ПОЧЕРК, ТЕТРАДЬ ДЛЯ ЗАНЯТИЙ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ УЧЕНИКА ТРЕТЬЕГО КЛАССА «Б». НА ПРЕДПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ГЛАЗ ЦЕПЛЯЕТ КОРОТКУЮ, В НЕСКОЛЬКО СТРОК ЗАПИСЬ: «МАМА ПАПУ УДАВИЛА».

С дежурств я ушла, когда узнала, что беременна, и после рождения ребенка уже не вернулась, хотя считаю работу в следственно-оперативной группе очень интересной. В практике был еще первый пропущенный огнестрел — убийство девушки-продавщицы в уличном ларьке. Зияющая дыра с рваными краями на груди и мелкие серые шарики, застрявшие в мягких тканях спины. На коже крестообразные раны, очень напоминающие надрезы, шарики вываливались из них при легком нажатии. Приехали милицейские начальники, мне вдвойне страшнее от их присутствия. Все требовали от меня ответов, а я растерялась, не могла сказать ни слова. Толпа мужчин смущала, нервировала, раздражала. Пока кто-то из этой толпы не поднял тот самый металлический шарик со словами: «Дробь» — и тогда все прояснилось.

Я пришла в судебную медицину в 2004 году, в городскую интернатуру на базе одного из моргов, где и сейчас находится кафедра судебной медицины медицинского университета. До мединститута я проучилась три курса на филологическом факультете МГУ, отделение русского языка и литературы. На филфаке я мучилась вопросами смысла учебы, всей своей специальности, не понимала, кем и как смогу работать потом. Я отчаянно хотела приносить пользу людям. Завидовала тем, кто что-то делает руками: ювелирам, реставраторам, портным, часовщикам и так далее. Медицина казалась мне самой полезной профессией на тот момент.

Многие студенты-филологи подрабатывали, и я тоже устроилась в гостиницу «Севастополь», отвечала за телефонные переговоры, связь у гостей через коммутатор, жила в общежитии на Вернадского. Смена сутки-трое, администраторы, охранники и я, двадцать четыре часа рядом. В нашей работал Николай Александрович, красавец, на которого заглядывались все гостиничные дамы. Я недавно школу закончила — ему двадцать восемь. Брали номер, секс, короткий сон (гостям никто не мог дозвониться, коммутатор не отвечал). Любовная связь была короткой и бурной. Его пост удачно располагался напротив моей стойки. Мы много разговаривали, находили время, он рассказывал о себе, я с влюбленными глазами слушала. Он говорил о медицине. Между сутками в гостинице — хирург-андролог, экзотическая специальность, сложные операции.

Николай Александрович был со мной честен, не раздавал обещаний и все-таки уволился. Я грустила и разыгрывала воображаемые встречи. Летом я пропустила всю сессию, просто не пошла, встала в график сутки через сутки (разрешили, работала я без трудовой книжки и без договора), накопила

денег, а с сентября поступила на подготовительные курсы во второй мед и нашла репетиторов по химии и биологии.

В последний месяц перед вступительными экзаменами после смены в гостинице я ехала сначала в Коньково на химию, потом на Красные Ворота — на биологию. В метро повторяла домашние задания. Каждый день новые задания, каждый день уроки. Занятия пропускала только из-за работы. Питалась тогда я, кажется, исключительно пельменями и спала часов по пять. Вступительные сдавала тоже после суток. Никто не верил, я никого не слушала и шла напролом. Поступила. Бабушка и мама были против.

ОПИСАНИЕ МЕХАНИЗМА РОДОВ, ВРОДЕ БЫ СУГУБО НАУЧНОЕ, МЕДИЦИНСКОЕ, ОЧЕНЬ ПОХОЖЕ НА МИСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ С ХОРОШИМ КОНЦОМ. ХОТЯ ВСЕ И РАСПИСАНО ПО ПУНКТАМ — ДЕЙСТВИЕ ГОРМОНОВ, ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ ЭТАПОВ, — РОДЫ, КАК И СМЕРТЬ, ДЛЯ МЕНЯ ЗАГАДОЧНЫЙ ПРОЦЕСС, ЗАВОРАЖИВАЮЩИЙ.

В судебку я пришла с пятого курса. После цикла в институте (мы учились на старших курсах циклами, например, три недели гнойной хирургии в больнице каждый день, потом сразу экзамен или зачет) я стала ходить на студенческий научный кружок на кафедре. По субботам, кажется, с восьми утра, когда мой муж, историк, с удовольствием отсыпался, как и все нормальные люди. К моему возвращению он как раз вставал и за кофе с интересом расспрашивал, что я там навскрывала.

Кружок вел преподаватель кафедры, профессор О. Он на полставки работал в городском морге, отделении Бюро судебно-медицинской экспертизы Москвы, который как раз находился в одном здании с кафедрой. Очень удобное соседство для практических занятий студентов. Вскрывал О. по субботам, а точнее, мы, кружковцы, вместо него. Он не боялся от-

дать нам труп, изредка спускался в секцию, потом выписывал свидетельства о смерти. Главное — не пропустить убийство. Мы были предоставлены сами себе. Сколько некрасивых, неправильных с точки зрения секционной техники разрезов я сделала. Сколько патологических изменений наверняка не заметила. Теперь я уверенно полагаюсь на свою внимательность, потому что тогда рассчитывала только на себя. Вскрывала, смотрела во все глаза, а потом задавала вопросы и читала про увиденное в книгах.

Мое обучение было сугубо практическим. На кружок приходили ординаторы, помогали нам, контролировали нас, чтобы, не дай бог, мы не пропустили чего-то по-настоящему важного, вычитывали потом наши акты судебно-медицинского исследования, поправляли, объясняли. К окончанию института я могла уже более или менее сносно вскрыть скоропостижный¹ труп и даже простенькую ЧМТ². Летом я приходила вскрывать за О. еще и на неделе, в морге меня уже знали.

В мединституте, кроме судебной медицины, мне понравилась еще одна специальность — акушерство. Описание механизма родов, вроде бы сугубо научное, медицинское, как я сейчас понимаю, очень похоже на мистический рассказ с хорошим концом. Хотя все и расписано по пунктам — действие гормонов, последовательность этапов, — роды, как и смерть, для меня загадочный процесс, завораживающий.

Потому что так и остается непонятным, почему рождается именно этот человек и именно в это время, почему запускаются роды или вдруг наступает смерть. Почему кому-то на голову ни с того ни с сего падает кирпич, почему у кого-то развивается рак?

В акушерстве я не смогла почувствовать свои руки. Я до сих пор уверена, что это немного шаманство, магия, провидение.

¹ Скоропостижной называется быстро наступившая смерть среди кажущегося здоровья от скрыто протекающего заболевания. — *Прим. ред.*

² Черепно-мозговая травма. — *Прим. ред.*

Руки, как у экстрасенсов или бабушек-знахарок в деревнях, должны сами чувствовать и сами по себе работать. Интуиция, третий глаз, внутреннее знание — назовите как хотите. Да, это говорит человек с высшим медицинским образованием, врач самой бездушной специальности. Я так хотела работать именно руками, приносить пользу, но рук своих и испугалась. В судебной медицине руки задействованы, но таинство запускается не только через них, таинство это иного рода, и не так страшна вероятность навредить. Разумеется, если по вашему заключению сядет невинный — это страшно, но смерть новорожденного из-за вашей ошибки куда страшнее.

Приступ ненависти к своей работе я испытала год назад, когда умирала моя бабушка, ей было девяносто семь лет. Умирала долго, от рака, в Челябинске, моем родном городе, с ней жила моя мама. Я ждала от нее отмашки, чтобы сорваться и ехать. Помогать ухаживать или прощаться. Я видела подобные случаи. Диагноз «папиллярный плоскоклеточный рак кожи носа с метастазами в шейные лимфатические узлы, очагами некрозов и распадом, наружные гнойные свищи левой боковой поверхности шеи» звучит красиво. Огромная безобразная сочащаяся шишка, занимающая половину шеи и деформирующая лицо, на живом человеке, особенно на твоей родной бабушке, выглядит ужасно.

Я долго потом жила с ощущением, что после увиденного не смогу зайти в секционный зал, разговаривать с родственниками, прикрываться умными латинскими и греческими терминами, пожимать плечами. Как я могу давать красивые названия, классифицировать, выстраивать цепочки осложне-